

**МИРУ — МИР,
ВОЙНА — ВОЙНЕ.**

**Наш крик о мире —
не просьба слабых,
мы строить хотим
с усердием двойным.**

**На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны не будет!**

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

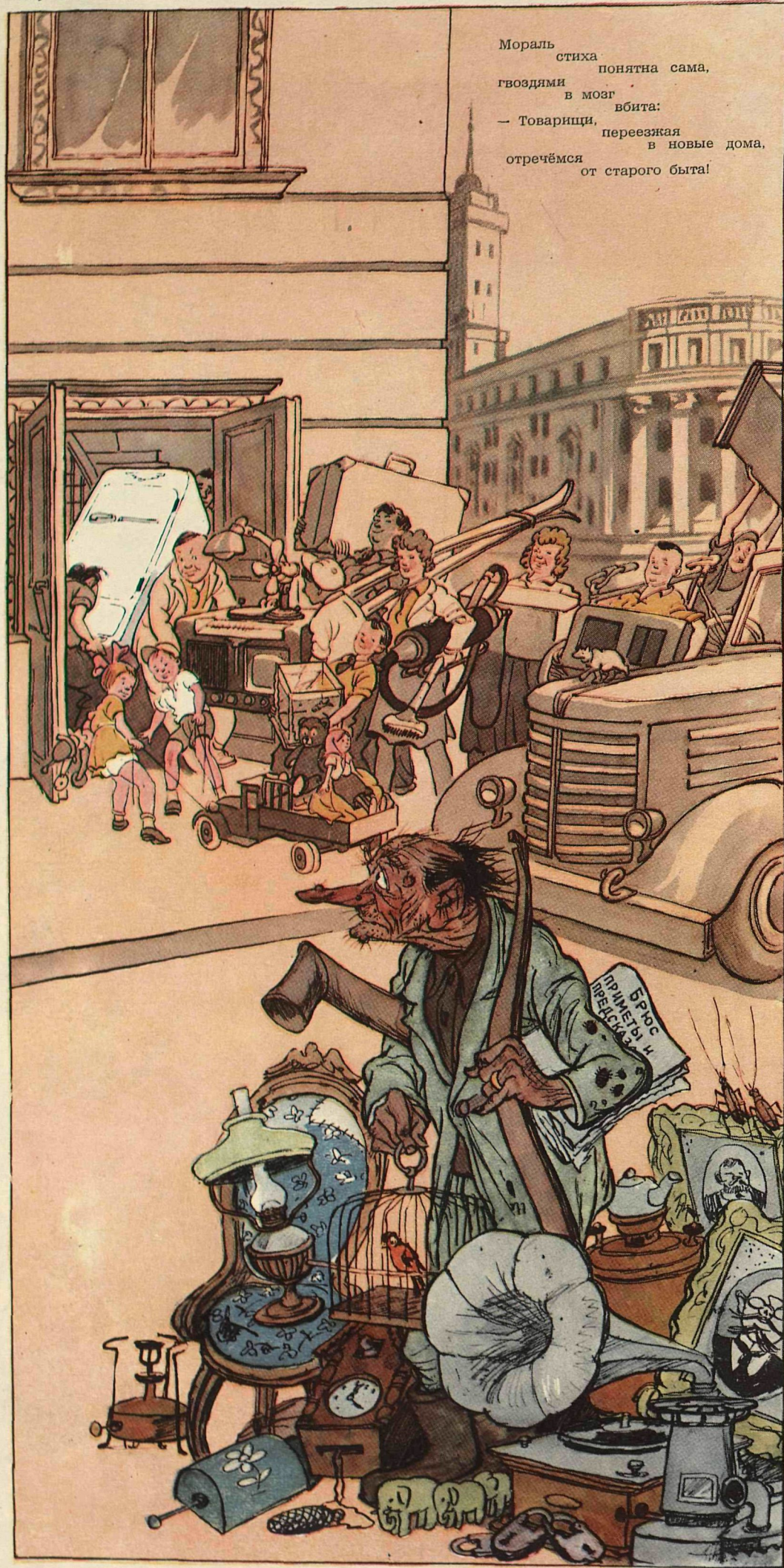
Рисунок Бор. ЕФИМОВА

К Р О К О Д И Л

РАЗГОВОР

(Фантазия)

Мораль
стиха понятна сама,
гвоздями в мозг
вбита:
— Товарищи, переезжая
в новые дома,
отречёмся
от старого быта!

СТАРЫЙ БЫТ: — А меня выселили без предоставления новой площади...

...Он вошёл к нам, высокий, широкоплечий, могучий, и сразу показалось, что комната стала теснее, но светлее.

— Здравствуйте, товарищи! Давненько не был у вас. Небось, забыли старика?

— Владимир Владимирович! Родной! Вас-то забыть? Да нет у нас из поэтов нашего века более близкого, любимого. И какой же вы старик? Вы из нас самый молодой. Кто же скажет, что вам шестьдесят лет! Позвольте поздравить вас...

— Ладно. Никогда не любил поздравлений. Так, говорите, помнят меня?

— Владимир Владимирович! Да вы пройдите по нашим клубам, библиотекам, по заводам, в колхозах побывайте, на новостройки загляните, — всюду читают вас, говорят о вас — с какой любовью говорят!.. Да разве только у нас? А в Болгарии, в Польше, в Чехословакии, в Венгрии?.. Вы в Китае любимейший поэт. В Корее на фронте бойцы-герои читают ваши стихи...

Или вот ещё к пионерам сходите, сами убедитесь, как вас знают.

— Как же Коган это допускает?

— Какой Коган?

— Да Пётр же Семёнович. С пиками-усами. Он меня к детям не допускал. Грубый, говорит.

— Ах, этот... Припоминаем. Он был не то литературовед, не то литературоед. Так ведь его давным-давно забыли!

— И Тальникова забыли, который меня ругал?

— Если бы вы его, Владимир Владимирович, не припечатали во веки веков, то никто и не знал бы, что был такой в литературе.

— Значит, никто теперь меня не ругает, не фыркает, не ворчит?

— Никто, Владимир Владимирович. По крайней мере, открыто. А есть, конечно, такие, которые втайне, про себя... Победоносиковы ведь ещё живы, Владимир Владимирович. Есть ещё и любители «изячной» жизни. Но они прячутся. Под другим видом выступают. Вздыхают и грустят об уюте «бесконфликтной» жизни, о поэтическом мерцании тлеющих угольков «затухающего» камина.

— А вы их за ухо да на солнышко!

— Партийная критика вытащила их и разоблачила. Это же и ваши враги были.

— Неужели обо мне больше не спорят?

— Ну как, Владимир Владимирович, не спорят! Спорили, спорят и будут спорить. Вот совсем недавно крупная потасовка была, послушали бы!

— Это о чём же? По злобе?

— Нет, некоторые уверяли, что от избытка любви. Они вас так любят, так любят, что хотели себе присвоить. «Наш, — кричат, — Маяковский! Только наш, никому не отдадим!» Один даже хотел вас в свой карман спрятать.

— Губа не дура.

— У него не одна губа, а три, и все не дуры.

— И что же вышло?

— Ничего не вышло. Карман у него маленький — вы только одной пяткой поместились... Он и сконфузился.

— Ну, бог с ним... Так, говорите, не устарел?

— Что вы, Владимир Владимирович! И не устареете. Очень далеко вы засматривали вперёд. Мы помним ваши слова: «Может статься, что Соединенные Штаты станут последним вооруженным защитником безнадежного буржуазного дела». Многие ваши сатирические стихотворения о властителях США, о правых социалистах, о фашистах можно пометить сегодняшним днём.

— Да, повидал я за границу... А как Америка, всё такая же?

— Такая. Только теперь американские правители вам визу не дали бы.

— Боятся?

— И боятся и злобствуют. Не пропускают. Да

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

что толку! Ведь и в Америке Маяковского знают.

— Рад. Ну, а как вы живёте, как работаете?

— Хорошо живём, Владимир Владимирович. Сатирикам теперь и жить. На большую высоту партия подняла вопросы сатиры. Вы мечтали о том, чтобы работа писателей обсуждалась в руководящих органах партии. Осуществилась ваша мечта, Владимир Владимирович! На XIX съезде товарищ Г. М. Маленков говорил о задачах советской сатиры в борьбе за коммунизм... Живём хорошо, Владимир Владимирович! Ну, а пишем ещё не так хорошо.

— Вижу, вы пополнили, бумага хорошая, краски куда лучше стали... Чего же вам не хватает?

— Маяковского не хватает, Владимир Владимирович! Силы вашего сатирического слова, страсти вашей в гневе и в любви, не хватает смелости и резкости вашей... Вот вы нас призывали учиться у Щедрина, как сами у него учились:

Для подхода
для такого
мало,
што ли,
жизнь дрянна?
Для такого
Салтыкова —
Салтыкова-Щедрина?

Вы указывали советским сатирикам и юмористам:

Чтоб не скрылись,
хвост упрятав,
крупных
вылови налимов —
кулаков
и бюрократов,
дураков
и подхалимов.

Ловим, конечно, налимов всяких, но больше мелкоту.

— Что же, оскудела сатирой и юмором советская литература?

— Что вы, Владимир Владимирович! Сокровищами сатиры и юмора владеем. Есть у нас писатели и поэты, обладающие этим даром. Шолохов, Эренбург, Маршак, Твардовский, Исаковский, Вишня, Крапива, Катаев, Симонов, Олейник, Малышко, Безыменский, Михалков — да всех не перечислишь, которые пишут и которые не пишут.

— А Николай Асеев? У него моя была хватка.

— Что-то хватка у него стала не та. Вот Сурков, он мог бы. На злые эпиграммы, на гневную сатиру первый мастер.

— Так что же?

— «Нагрузки по макушку» одолели.

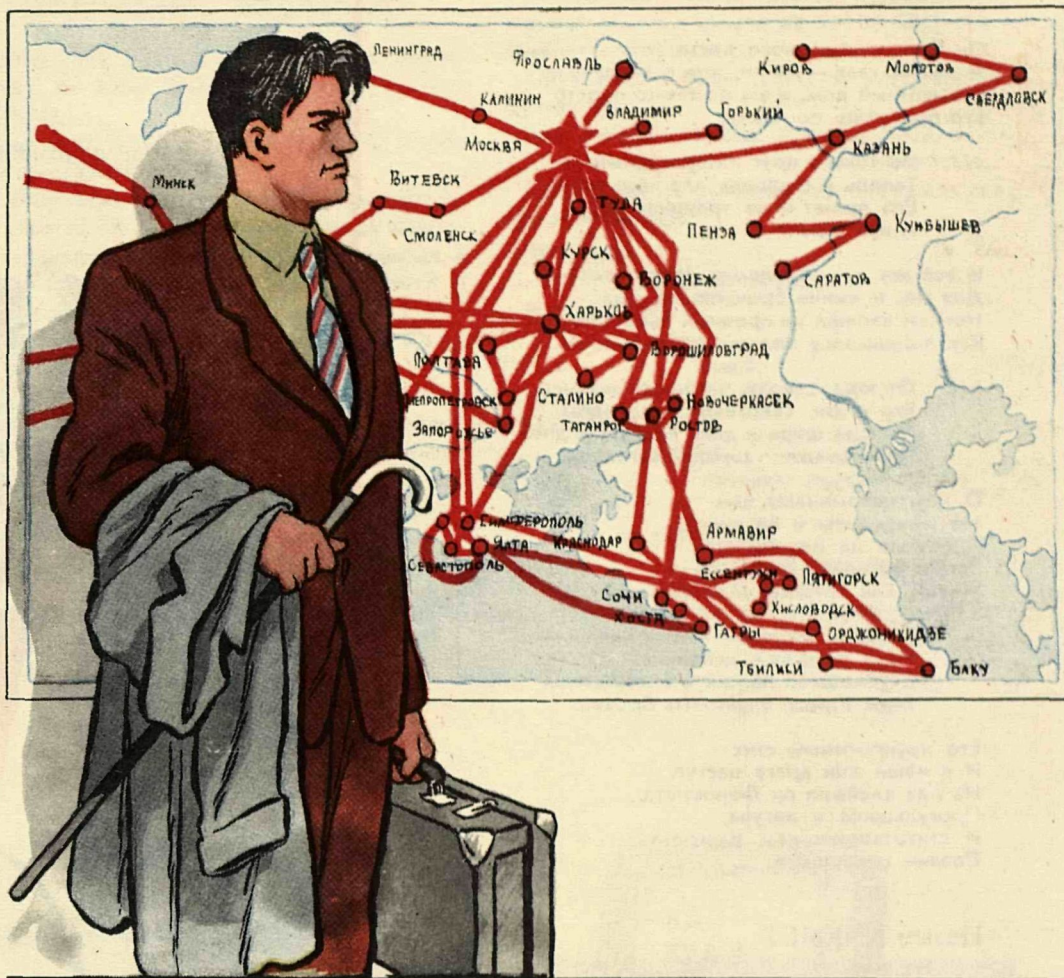
— Неужели вам Союз советских писателей не помогает?

— Помогает: сочувствует, критикует, зевает. Не смешно, говорит.

— Это верно. Не смешили как надо. Не в помощи дело, Владимир Владимирович. На Фадеева надейся, а сам не плошай. Сами мы виноваты: не привлекаем их, не тянем.

— Нехорошо. А впрочем, меня-то никто не тянул, никто не привлекал в «Окна Роста». Нужно было советскую торговлю подымать, я и в торговлю со стихами шёл, не ждал приглашений. Моя кооперация! Моя милиция!

— Так то вы, Владимир Владимирович! Вас-то нам и не хватает. А ещё, Владимир Владимирович, Гоголя и Щедрина нам не хватает! И всё же должны с радостью сказать вам, что после XIX съезда началось заметное оживление на сатирическом поприще. Появилась талантливая молодёжь, и многие «старички» возвращаются в боевой строй. И мы ждём нового расцвета советской сатиры.

Творческие маршруты поэта В. В. Маяковского.

Творческие маршруты поэта И. И. Рифмачева.

В стихотворении «Юбилейное» Владимир Маяковский, лирически беседуя с Александром Сергеевичем Пушкиным, заметил:

После смерти
нам
стоять почти что рядом;
вы на Пе,
а я
на эМ.

Композитор Георгий Певцов отстоит от композитора Глинки неизмеримо дальше, чем это обозначено в алфавите. И это не устраивало Певцова. Он решил сократить расстояние, отделяющее его от великого композитора. Для этой цели он взял себе псевдоним — Глинка. Теперь оба они стоят совсем уж рядом. Однако, несмотря на эту хитроумную операцию, Георгий Певцов ни на шаг не приблизился к корифею русской музыки.

ПОДПИСАЛИ, ПОДЛЯПАЛИ

Перед нами любопытные документы, составленные по всем правилам бюрократического искусства.

Здесь есть и подписи и печати. Нет только одного — здравого смысла:

«...Направляю для исполнения исполнительный лист № 32, выданный нарсудом на взыскание алиментов с гр-на Цементного завода в пользу Гортоптраста на содержание детей в размере 200 рублей месячной зарплаты.

Зам. Нач. Управления Министерства Юстиции по Красноярскому краю

(Матвеев)».

Вот уж странно выглядит этот тайный плод несчастной индустриально-коммунальной любви!

Но не менее странно выглядит плод фантастической рассеянности заведующего Бобруйским областным архивом загса.

Если верить подписанной им справке, она потребовалась человеку, умершему ещё в 1941 году:

«Областной Архив ЗАГС сообщает, что актовой записи о смерти на Вас за 1941 год в архиве не сохранилось.

Обратитесь в Бюро ЗАГС по месту Вашего жительства.

Зав. Бобруйским обл. Архивом ЗАГС
(подпись)».

Не о таких ли руководящих товарищах сказал Маяковский:

Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:
куда,
зачем,
кого?
Собственную
тетушку
назначит римской папою.
Сам себе
подпишет
смертный приговор.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

1001-е заседание секции скульптуры, посвящённое творческим отчётам о сооружении памятников классикам литературы.

Владимир Владимирович!

Представьте: сегодня Вы входите в залу,
Где рядом писатели чинно сидят.
Солидный редактор большого журнала,
О нашей сатире читает доклад.
Писатели слушают, уши развесив,
А он нараспев дифирамбы поёт
И злomu куплету, и острой пиесе,
И резким словам эпиграммных острот.

Он жаждет сатиры, и меткой и хлесткой,
Жестоко бичующей каждый порок.
Он бойко цитирует Вас, Маяковский,
Хваля беспощадность отточенных строк...
Услышав подобные гимны сатире,
Попробуйте завтра к нему заглянуть,—
И сразу начнётся скучнейшая в мире,
Давно надоевшая долгая нудь.

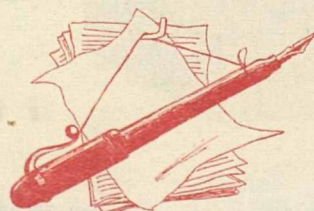
Он будет кромсать и абзацы и строки,
Приглаживать мысли умелой рукой,
Сменяя удар добродушным упрёком,
Издёвку — улыбкою, шуткой пустой.
Он будет полгода мытарить поэта
И, вытравив острые мысли сполна,
Промолвит: — Ну, что ж?
Не подходит нам это!
Беззубая вещь! Мне сатира нужна...
А если стихи невозможно пригладить,
Он скажет поэту, любезен и мил:
— Местечка у нас не осталось ни пяди...
Снесите творенье своё в «Крокодил»!
«Работничков» сих сохранилось немало!
Чтоб в этом смогли убедиться и Вы,
Зайдите в кино, загляните в журналы,
Проверьте спектакли театров Москвы.
Сатиру в речах славословить умея,
Редактор на деле стремится к тому,
Чтоб зло бичевать подобрей, попреснее...
Ведь этак спокойней живётся ему!
...Но столь же достойны упрёка большого
И те, у кого из сегодняшних строк
Исчезло открытое гневное слово
Сатиры, бичующей зло и порок.
Иные поэты — бойцы и задиры,—
Умевшие словом рубить, как мечом,
В архив положили оружие сатиры
И остро писать не хотят ни о чём...
Я знаю: мы скоро исправим всё это,
И наша сатира рванётся вперёд
По Вашей дороге — дороге поэта,
Чьё слово к борьбе беспрестанной зовёт,
Чьё слово без усталости служит Отчизне,
Как светоч на стройке счастливых веков,
Как пламень, сжигающий старое в жизни,
Как штык, попадающий в сердце врагов.

ПРИЗРАЧНОЕ СХОДСТВО

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Вы настолько увлеклись Маяковским, что совсем забыли обо мне. Но ведь я тоже пишу лесенкой!

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Оглядев товаров россыпь,
в жадности и в алчи
купил двенадцать grossов
дирижерских палочек.

В. МАЯКОВСКИЙ «Плюшкин».

Попав, как лещ, на удочку
бесстыжей провокации,
Услышав, что нащёптывал
какой-то гражданин,
Поверив в бабьи рассказы
о близкой девальвации,
Иван Данилыч Семечкин
помчался в магазин.
Сначала в виде пробы он
купил мешок косметики,
Потом обивки мебельной
сграбастал вороха.

Позднее занял очередь
в Мосторге, что на Сретенке,
И стал в порядке паники
захватывать меха.
Изделя из каракуля
купил он сразу полностью,
Второй этаж обследовал,
потом спустился вниз,
Купил манто из котика
и две медвежьих полости
И занялся горжетками
из чернобурых лис.
По всем мелькала лестницам
его фигура юркая,—
Ловил он шкурки беличьи
и кроличьи хвосты...

Рис. Ю. ГАНФА.

Пока Иван Данилович
возился с чернобурками,
Жена Иван Данилыча
скупала хомуты.
У магазина шорного
дежуря с понедельника,
Она, дождавшись времени,
скупила в тот же миг
Комплект дешёвой упряжи
и три чересседельника
И всё, что полагается
для тройки пристяжных...
Теперь прошу представить Вас
то чудное мгновение,

Когда, довольно выгодно
пристроив капитал,
Иван Данилыч Семечкин,
бледнее от волнения,
Статью министра Зверева
в газетах прочитал.
Квартира вся завалена
линяющими шкурками,—
Он оптом их и в розницу
давно продать готов.
Куда Иван Данилычу
деваться с чернобурками,
Зачем Иван Данилычу
пятнадцать хомутов???

ЗАНАВЕС ОЧКОВИРАТЕЛЯ

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

Всё у этих в порядке,
не язык, а маслябой.

Служит и играет в прятки
с партией, с самим собой.

Маяковский КОММЕНТИРУЕТ...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,
летает
и мечется.

Дорогой Крокодил!
Руководители артели «Художник» имени Доватора
(г. Москва) часто созывают собрания членов артели,
которые длятся по 8—10 часов.

В. Баранова,
член артели.

Рисунок Вл. ДОВРОВОЛЬСКОГО.

Просидел
собраний двести.
Дни летят,
недели тают...
Аж мозоль
натёр
на месте,
на котором заседают.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

Глядел,
лицом
сквозь канце
Катился пот,
рука свелась
но без конца
росла
гора б

Товарищ Крокодил!
 Общаю о своеобразном рекорде.
 писка между Краснодарской кон-
 «Торгмортранс» и поставщика-
 Белкоопсоюзом» и «Укоопспил-
 по поводу отгрузки грибов дли-
 восемь месяцев, состояла из со-
 восьми документов и не дала
 тата.

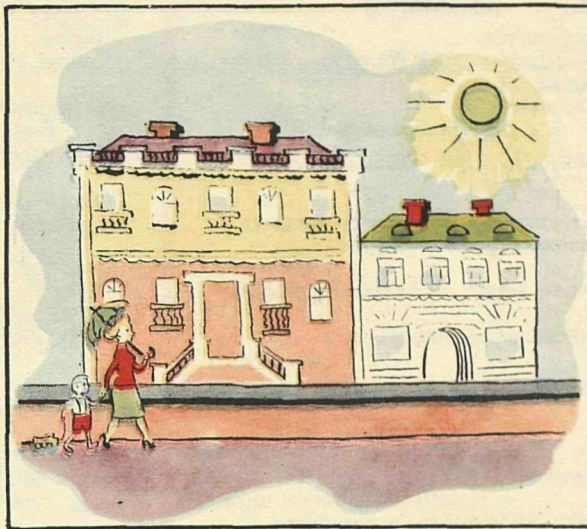
В. Елисеев

Краснодарск.

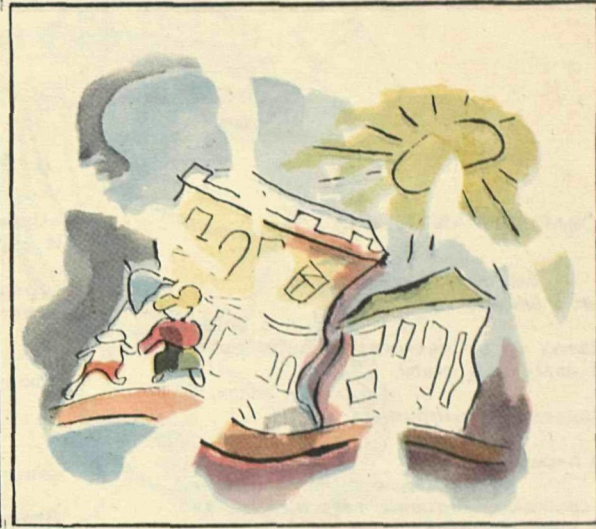

Белее мела,
 лярский мрак.
 перо скрипело,
 и вновь корпела,—
 громадой белой
 умаг.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Вот домá,
 а вот прохожие.

Прохожие и домá,
 ни на кого не похожие.

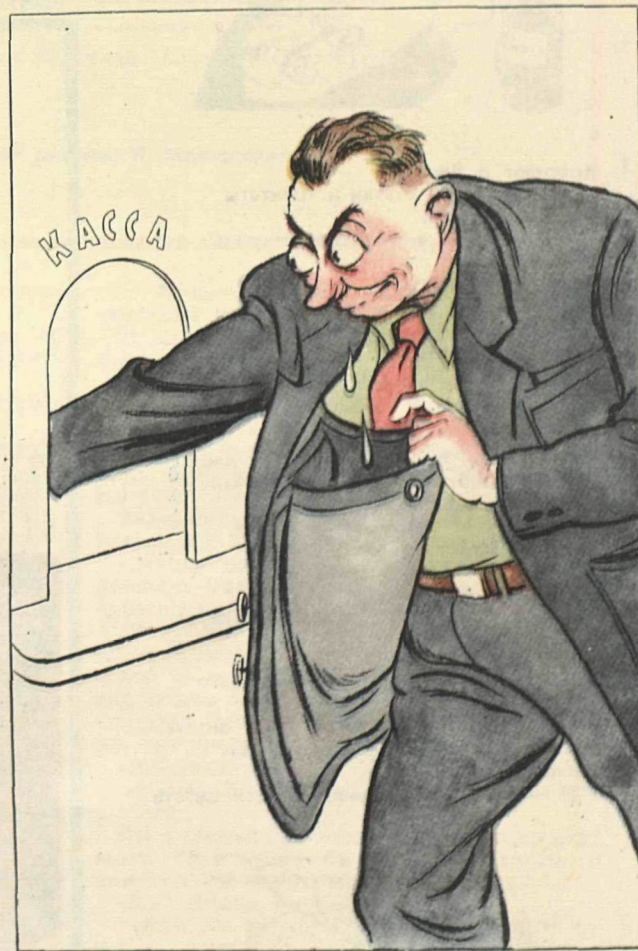
Товарищ Крокодил!

В Доме культуры города Талды-Кур-
 гана (директор — тов. Комлев) не уде-
 ляется внимания культурной работе. Здесь
 не бывает лекций, интересных концер-
 тов, и молодёжь, предоставленная сама
 себе, находит утешение на танцеваль-
 ной площадке, которая открыта круг-
 лый год.

Е. Иванюк,
 Т. Палаткина,
 Е. Кучерявиченко

г. Талды-Курган, Казахской ССР.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Там,
 где речь
 о личной выгоде,
 у него
 глаза навывкате.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Фокстротом
 сердце веселя,
 ходи себе
 лисой и пумой,
 плети
 ногами
 вензеля,
 и только...
 головой не думай.

В ГОСТЯХ У МАЯКОВСКОГО

Близ Таганской площади двухэтажный дом. Вывеска:

«Библиотека-музей В. В. Маяковского». Вы входите. Вас просят расписаться в книге посетителей.

Проникаясь атмосферой музея, стараясь не ступать громко, вы идёте к лестнице, почтительно поглядывая на бронзовый бюст поэта.

Маяковский смотрит чуть насмешливо, будто спрашивая:

— Я кажусь вам неприступным академиком?

— Совсем нет, но все же здесь музей... В комнате второго этажа у стендов стоит молодёжь.

«Пусть
сегодня
сердце корейца
жаром
новой мести греется».

— Здорово! Просто не верится, что это он написал!

— Что значит «не верится»?

— Да нет, я знаю, что это он! Не верится потому, что это давно написано, а сегодня...

— А у него всё так! Помните:

«Гнев,
гуди
заводом и полем,
мир
защищая,
встань скалой.
Крихни зачинщику:
«Мы не позволим!
К чорту!
Вон!
Довольно!
Долой!»

— ...Смотри-ка, Михаил, вот о нашем Волго-Доне, — слегка прокуренным баском говорит пожилой человек в углу комнаты, у другого стенда:

«Где раньше
река
водищу гоняла,
лила наводнения,
буйна,
гола, —
теперь
геометрия строгих каналов
мрамору в русла спокойно легла».

У третьего стенда:

— Мы всё жалуемся, что мало сатиры, что с эстрады нечего читать. А вот взгляните... Это же о нынешнем перестраховщике:

«Где решать?!
Другие пусть.
Вдруг не выйдет?
Вдруг покроют?
Вдруг
возьму
и ошибусь?»

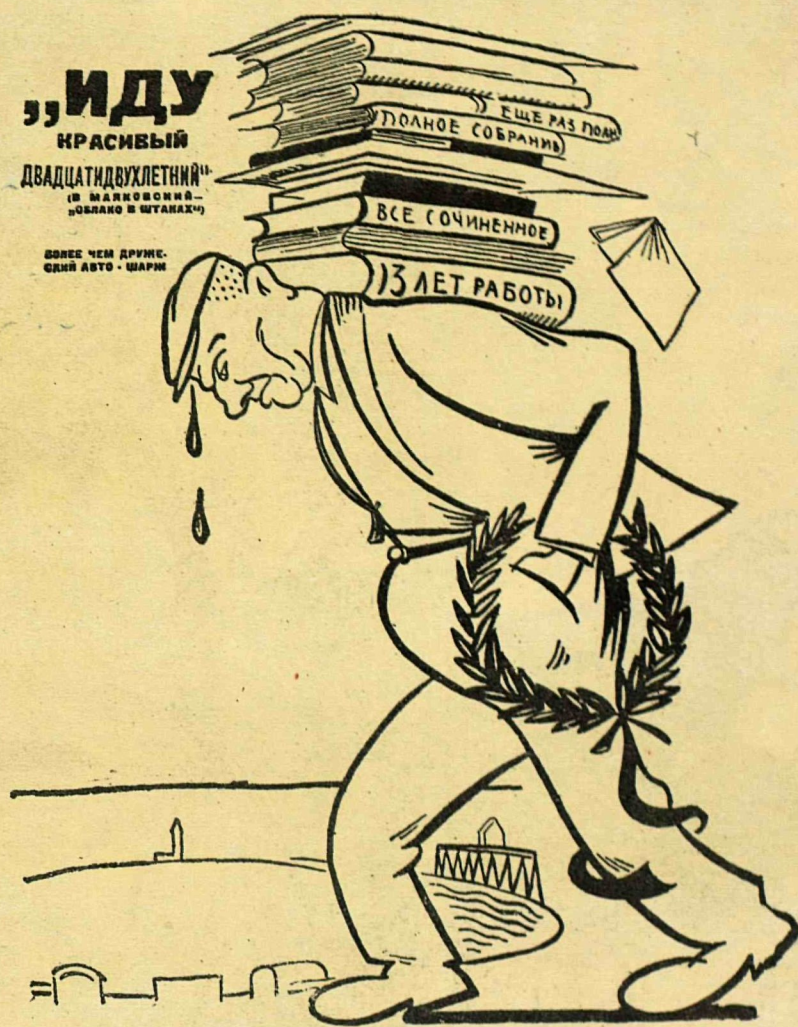
На стенах этой комнаты — Маяковский: он читает у микрофона, выступает перед красноармейцами, разговаривает с комсомольцами, он призывает, обличает, бичует... Он говорит по телефону, курит, смеётся, играет с собакой. Вот он в упор, чуть исподлобья смотрит на входящего, как бы говоря:

«В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие».

„ИДУ
КРАСИВЫЙ

ДВАДЦАТИДВУХЛЕТНИЙ“
И МАЯКОВСКИЙ —
„ОБЛАКО В ШТАНАХ“

БОЛЕЕ ЧЕМ ДРУЖИ-
СКИЯ АВТО - ШАРЫ

Автошарж Маяковского для журнала „Шквал“ (Одесса) 1926 г.

Малозвестный рисунок В. Маяковского.

...В небольшом лекционном зале экскурсовод обращается к школьникам:

— Сейчас, ребята, я расскажу вам об участии Маяковского в Великой Отечественной войне.

— Но ведь он тогда уже умер, — смущённо произносит чей-то тонкий голос.

— Правильно, — отзывается экскурсовод. — И всё-таки он был на фронте. Он сражался своим стихом. Вот плакаты военных лет — «Окна ТАСС» — с его строчками. Вы уже видели на стендах фотографии самолёта «Владимир Маяковский» и подводной лодки с именем поэта. А вот макет танка «Маяковский», танка, который закончил свой боевой путь у берлинского рейхстага... А этот томик стихов Маяковского находился в сумке бойца Кириллова, сражавшегося под Сталинградом.

— А почему книжка рваная?

— Она была пробита осколком бомбы...

...В двух небольших комнатах, где жил Маяковский, всё оставлено так, как было двадцать три года тому назад. Обстановка проста: скромный рабочий стол, книги, афиши выступлений, платяной шкаф, тахта. На стене портрет Владимира Ильича Ленина. Вспоминается:

«Двое в комнате:
я
и Ленин —
фотографией
на белой стене».

— Да-а, — говорит кто-то. — Краснодеревишки не слали мебель на дом...

В маленькой столовой экскурсовод указывает на кафельную печь:

— Вот, прислонясь спиной к этой печке, он любил читать стихи. Здесь в первый раз он прочёл друзьям поэму «Хорошо!»

Все смотрят на печь, стараясь представить себе высокую фигуру Маяковского на фоне этих белых изразцов.

Задерживаются в передней, глядя на пальто, шляпу и палку поэта.

...Уходя из музея, загляните в книгу отзывов. Там вы найдёте письма друзей, адресованные хозяину дома:

«Владимир Владимирович! Посетил Вашу квартиру. У меня чувство, что я поговорил и посоветовался с Вами. Вы — живой вожак и учитель. Я люблю Вас всем сердцем. Ваше творчество — учебник жизни, источник силы и бодрости...»

«Побывал у Вас в гостях. В гостях, потому что Вы живёте, живёте и шагаете с нами...»

Вы спускаетесь вниз и идёте к выходу мимо бронзового бюста Маяковского. И кажется, он спрашивает:

«Ну? Каков музей?»

Какой же это музей? Это арсенал, в котором хранится грозное, нержавеющее оружие. Дом, близкий и дорогой каждому советскому человеку.

Н. ИЛЬИНА

Мы
гордо стоим,
а они —
штаны
в берлинских подвалах чинят.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Если
нас
войка тот или иной
захочет
спровоцировать войной,—
наш ответ:
нет!
А если
даже в мордобойном вопросе
руку протянут —
на конференцию, мол, просим—
всегда
ответ:
да!

В. МАЯКОВСКИЙ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 1923 году Маяковский побывал в Париже. «Я обращался ко всем моим знакомым,— писал поэт,— с просьбой указать какую-нибудь стройку, какое-нибудь мирное сооружение последних лет, которое можно было бы поставить в плюс французам. Нет».

Мирных строек не найдёшь во Франции и сейчас, в 1953 году. Плешины американских авиабаз в Шатору, Мериньяке, Мон-де-Марсане, Шамье, Периге, разбросанные по всей стране склады боеприпасов, казармы и учебные плацы, взлётные дорожки и стоянки для военных кораблей — вряд ли это и многое подобное можно поставить Франции в плюс.

Основные «мирные новостройки», помечаемые во французской строительной статистике положительным знаком,— это 650 тысяч ды-

рявых лагун и хибарок, где ютятся семьи трудящихся.

Правда, на земле Франции возникают не только аэродромы и трущобы. Строятся там и прекрасные жилые дома. Это — для 40 тысяч американских военных и 10 тысяч их чад и домочадцев. Когда же доллароносных американцев (выражение Маяковского) не устраивают новые стандартные квартиры, они устраиваются в исторических дворцах, замках, старинных поместьях. Утилизируют, так сказать, предметы французской национальной гордости. Только в Париже десятки роскошных зданий заняты американскими «администраторами». Целые города, целые департаменты превратили оккупанты в свой дом.

Маяковский был во Франции 30 лет назад. Какие за это время сдвиги к худшему!

— До того дострелялись, что совсем убили киноискусство!

Илья Спиридоныч,
Себя возлюбя,
Заставил работать
Весь штат на себя.
И штат
От рассвета и до ночи
Работает
На Спиридоныча.

Чтоб утром
Газет самому не читать,
Вменил
Секретарше он это.
Читает она
За него
Всю печать —
От «Правды»
И до стенгазеты.
А после о том,
Что в газетах прочтёт,
Ему отдаёт
Трёхминутный отчёт.
(Как жаль,
Что для чтенья журналов
Пока ещё нет
Персонала!)

Все учатся,
Юноши и старики
Кружки посещают
Старательно.

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Удельный князь

И кажется ему,
ему
над всеми
что навсегда дано

«володеть и княжить».

В. МАЯКОВСКИЙ «Помпадур».

Илья Спиридоныч
Не ходит в кружки —
Он учится
Самостоятельно.
Но сам он
Не станет учить ничего:
Ведь дела, товарищи,
Масса!
И стенографистка его
За него
Всю ночь конспектирует
Маркса.

Работу
По должности и по уму
Всем даст он,
Илья Спиридоныч:

Завхоз
Доставляет на дачу к нему
Продукты,
Батоны, бидоны;
Курьер,
Отрешившись от прочих
забот,

Билеты на матчи
Ему достаёт.
Зато на футбол уже
Ездит он сам
С дородной супругою
Вместе,
Пока за него
Вечный труженик — зам —
Сидит над отчётами
В тресте.

Вот так и работает
До ночи
Весь штат
На Илью Спиридоныча.
Давно уж привык
говорить он:

«Мой штат»,
«Мой трест»,
«Мой бухгалтер»
И «мой аппарат».
Давно уж привык он,
Видать по всему,
Своё уважать только
Мнение
И трест,
Что народом доверен ему,
Считать
Своим личным
Владением.

Но ясно для всех,
Что в конце его ждёт;
Двух мнений
И быть тут не может:
Вельможу возьмёт
Народ

в оборот —
И...
Как не бывало
Вельможи!

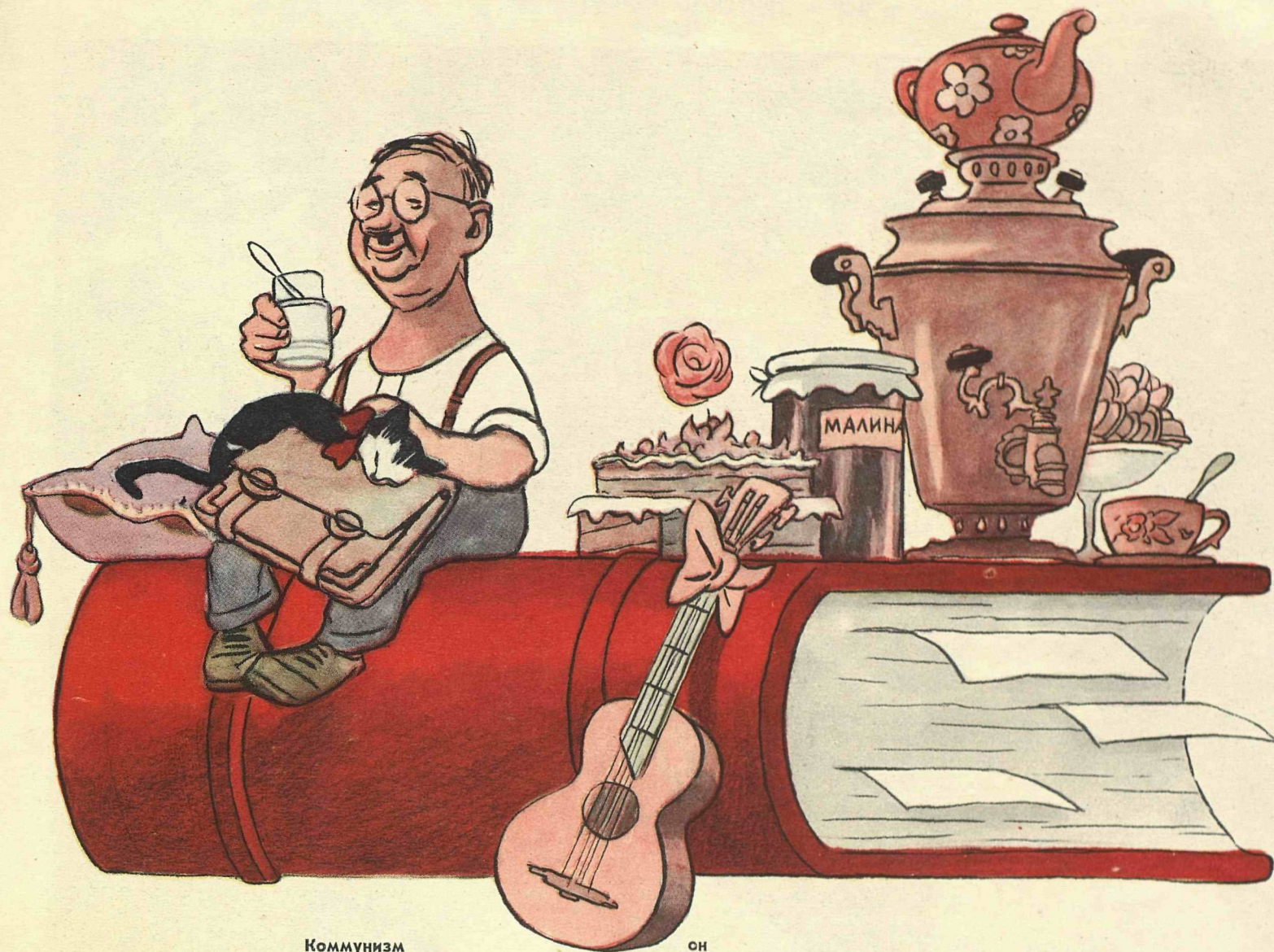

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Барскую заносчивость
скорей донашивай, —
масса
разбирается
не хуже вашего.

— Почему вы уходите! Неужели не понимаете Маяковского!
— Маяковского — понимаю, вас — нет...

Коммунизм
по книге сдав,
перевызубривши «измы»,

он
покончил навсегда
с мыслями
о коммунизме.

В. ГРАНОВ

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К АВТОМОБИЛЯМ

— Лошадь упала!
— Упала лошади!
Смеялся Кузнецкий.

В. МАЙКОВСКИЙ

«Хорошее отношение к лошадям».

В восемнадцатом было...
А в наши дни
Попробуй:
Кузнецким
хоть сплошь иди,
Направо смотри
и налево взгляни —
Ни одной
не увидишь
лошади!
И вот вам
вполне современная
Рассвет.
быль.

На Кузнецком
при скверной погоде
Стоит
за воротами
автомобиль,
Хозяина здесь
ждет впроде.
Сержантом ОРУДа
мне справка дана:
«У этой «Победы»
судьба маловажная:
Хозяин
под крышею спит,
а она
Под небом открытым
живёт, безгаражная...»
И жизнь эта —
летопись
всяческих бед,
Немало
печальных страниц
мы прочли в ней:
Пошли, несомненно,
машине во вред
Компрессы
из снежных заносов
и ливней.

Притом
во дворе
немало ребят.
Они, увлекаясь
техникой,
Хотят отвинтить
все гайки подряд,
От нижней
до самой
верхней!
От дождей полиняла
окраска авто,
У прежнего щёголя
вид старосветский.
Смотря на него,
не смеялся никто.
Дивился Кузнецкий...
...И не только Кузнецкий!..
Моссовет!
С делами
слова увяжи,
Учи поскорее
запросы возросшие:
Москвичам разреши
возводить гаражи.
К машинам яви
отношенья хорошие!

Главный редактор — С. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ,
КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „ПРАВДА“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 514.

Подписано к печати 11/VII 1953 г.

Формат бум. 70×108¹/₂. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 02874

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1837.

Тираж 350 000 экз.

25 ИЮЛ 1953

8825 ж

Рисунок Вор. ЕФИМОВА.

Всесоюзная Книжная Палата
В УОЛЛ-СТРИТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Вор. Ефимов - 53.

— Конфисковать! И главное, не выпускать!..